

DOI 10.23859/2587-8344-2017-1-2-3

УДК 94(430)

Елена фон Клитцинг
Кандидат исторических наук,
координатор программы U5 Strategische Partnerschaften
Университет Ульм, Германия
detamaris@gmail.com

Повседневный опыт принудительного труда «восточных рабочих» в сельском хозяйстве национал-социалистической Германии

Аннотация. В статье рассматривается положение граждан Советского Союза, угнанных в годы Второй мировой войны и использовавшихся в сельском хозяйстве национал-социалистической Германии. В условиях узаконенной дискриминации, жесткой системы контроля и наказаний, а также неизбежного тесного контакта с немецкими крестьянами «восточные рабочие» выстраивали различные стратегии выживания, варьирувавшие между приспособлением и сопротивлением.

Ключевые слова: Вторая мировая война, Советский Союз, Германия, национал-социализм, принудительный труд, «восточные рабочие», сельское хозяйство

Введение

Принудительный труд «восточных рабочих» в экономике Третьего рейха являлся одной из самых мрачных страниц истории Второй мировой войны. Лишь после провала планов «блицкрига» в конце 1941 г. в условиях высокого дефицита рабочей силы произошел переход от политики истребления людских ресурсов СССР к их трудовому использованию на территории Германии. Условия труда и содержания «восточных рабочих» отражали положения нацистского законодательства, основанного на нацистской доктрине о «расовом» превосходстве и жестко регулировавшего все аспекты пребывания иностранцев в рейхе, в том числе и в тех отраслях, в которых существовали противоречившие ей традиции организации сезонного трудового процесса и обращения с работниками в сельском хозяйстве национал-социалистической Германии.

Основная часть

На фоне значительного массива научной литературы по истории Второй мировой войны и фашизма¹ проблема принудительного труда советских граждан в Германии и на оккупированной территории получила лишь фрагментарное освещение в отечественной историографии. Монография П.М. Поляна² остается уникальной попыткой обобщающего исследования проблемы принудительного труда советских военнопленных и «восточных рабочих» как самостоятельного исторического феномена. В обширной зарубежной историографии работы И. Леманна³, А. Цюль (Франк)⁴, Г. Фрайтаг⁵ были посвящены различным аспектам принудительного труда в сельском хозяйстве, но не ставили объектом исследования повседневный опыт «восточных рабочих».

Целью данной работы является рассмотрение повседневного опыта принудительного труда части «восточных рабочих» в сельском хозяйстве национал-социалистической Германии. Представить точку зрения жертв и глубже изучить феномен принудительного труда позволяет использовавшийся в данной работе метод «устной истории».

Прагматичная позиция крестьян по отношению к рабочей силе препятствовала осуществлению на практике нацистских предписаний по обращению с рабочими из Советского Союза⁶. В условиях удаленности репрессивного аппарата и своеобразной позиции крестьян «восточные рабочие» получили небольшую возможность для улучшения собственного положения за счет выстраивания взаимоотношений с немецкими крестьянами. Поведение «восточных рабочих» в крестьянских хозяйствах зависело от многих факторов и зачастую варьировалось между приспособлением к сложившимся обстоятельствам и сопротивлением им.

---

¹ См., например: *Бессонов Б.И.* Фашизм: идеология, политика. М., 1985; *Бланк А.С.* Из истории раннего фашизма в Германии. Организация. Идеология. Методы. М., 1978; *Розанов Г.Л.* Конец «третьего рейха». М., 1990. Подробнее об отечественной историографии германского фашизма см.: *Галактионов Ю.В.* Германский фашизм как феномен первой половины XX века: отечественная историография 1945 – 90-х годов. Кемерово, 1999.

² *Полян П.М.* Жертвы двух диктатур. Остарбайтеры и военнопленные и их репатриация. М., 1996.

³ *Lehmann J.* Zwangsarbeiter in der deutschen Landwirtschaft 1939 bis 1945 // *Europa und der Reichseinsatz: ausländische Zivilarbeiter, Kriegsgefangene und KZ-Häftlinge in Deutschland 1938–1945* / Hrsg. U. Herbert. Essen, 1991. S. 127–139.

⁴ *Zühl A.* Zum Verhältnis der deutschen Landbevölkerung gegenüber Zwangsarbeitern und Kriegsgefangenen // *Faschismus und Rassismus* / Hrsg. W. Röhr. Berlin, 1992. S. 342–352.

⁵ *Freitag G.* Zwangsarbeiter im Lipper Land: Der Einsatz von Arbeitskräften aus Osteuropa in der Landwirtschaft Lippes, 1939–1945. Bochum, 1996.

⁶ *Lehmann J.* Zwangsarbeiter in der deutschen Landwirtschaft 1939 bis 1945 // *Europa und der Reichseinsatz: ausländische Zivilarbeiter, Kriegsgefangene und KZ-Häftlinge in Deutschland 1938–1945* / Hrsg. U. Herbert. Essen, 1991. S. 135.

Так, Устина Ш.⁷, работавшая в поместье у г. Зульц, описывает в своем рассказе многочисленные случаи индивидуального сопротивления «восточных рабочих». Во время депортации она дважды пыталась бежать и рассказывает о своем непослушании и своевольном поведении в немецком хозяйстве. В ссоре с управляющим поместья Устина Ш. в ярости бросила в него вилы: «А я думаю: мне все равно! Я не боялась смерти. Не боялась, ты понимаешь, не боялась и все. Думаю, так мучиться... Голодом, холодом, еще так ишачить, и он еще будет меня бить... издеваться?»⁸.

Гораздо безопаснее, чем открытый протест, было распространенное среди «восточных рабочих» пассивное сопротивление. Оно проявлялось в медленном или небрежном выполнении порученной работы. Оказание пассивного сопротивления также было сопряжено с риском, поскольку, немецкие крестьяне обладали рядом возможностей принудительного повышения производительности труда «восточных рабочих» в собственном хозяйстве. Так, управляющий хозяйства, в котором работала Устина Ш., однажды пугал «восточных рабочих» расстрелом, достав оружие и поставив всех работников к стенке⁹.

Иногда бывшие работники принудительного труда указывают в своих воспоминаниях и на иную форму протеста «восточных рабочих» в условиях сельского хозяйства, а именно: изменение или полное нивелирование властных отношений в дихотомии «работник принудительного труда – хозяин». Это характерно для воспоминаний тех работников, которые на основе своих знаний и опыта представляли себя равными или выше хозяина¹⁰.

На примере интервью с Устиной Ш. видно, что основную поддержку при оказании сопротивления «восточные рабочие» находили в группе работников принудительного труда. В поместьях, хозяева которых полностью выполняли нацистские предписания об использовании в колоннах и лагерном содержании, «восточные рабочие» сталкивались с условиями труда и содержания во многом аналогичными промышленным. Здесь было гораздо проще выполнить предписание о запрете так называемой «общности стола». Столы в таких хозяйствах стояли не только отдельно для хозяев и иностранных рабочих, но и для каждой группы иностранных рабочих¹¹. Владельцы поместий могли приписать к себе

⁷ Interview mit Ustina S // IGB/ISFLDP. Interview mit Ustina. S. 37.

⁸ Interview mit Ustina S // IGB/ISFLDP. Interview mit Ustina. S. 37.

⁹ Там же.

¹⁰ *Grinchenko G.* Erste Auswertung eines Oral-History-Projektes aus der Ostukraine // *Hitlers Sklaven. Lebensgeschichtliche Analysen zur Zwangsarbeit im internationalen Vergleich* / Hrsg. Plato A.v. u.a. Wien: Böhlau, 2008. S. 237.

¹¹ *Winter J.* Lorberg, der Gendarm und der Polen-Franz. Nazi-Jahre auf dem Hofgut Wickstadt – Szenen aus der Zwangsarbeit // *Fern der Heimat unter Zwang – Der Einsatz „fremdländischer Arbeitskräfte“ während des Zweiten Weltkrieges in der Wetterau* / Hrsg. K. D. Rack, M. Kingreen, D. Richhardt. Butzbach, 2004. S. 442.

дополнительных работников, поэтому ценность отдельного работника для экономической жизнеспособности хозяйства была невелика.

При этом следует отметить, что «восточные рабочие», использовавшиеся в группе, обладали сравнительно небольшой возможностью улучшить свое положение за счет взаимоотношений с немецким населением. Межкультурная коммуникация, обмен опытом, усвоение ценностей и восприятие образа немецких крестьян здесь были довольно незначительны.

«Восточные рабочие», использовавшиеся поодиночке, несколько иначе описывают свои взаимоотношения с немецким населением, чаще указывая на возможности приспособления. Интервью с Верой В., бежавшей во время бомбежки с фабрики и нашедшей убежище в разгар сельскохозяйственных работ в малом крестьянском хозяйстве неподалеку от г. Штольберг, является характерным примером для рассмотрения опыта приспособления «восточных рабочих». Сменив с помощью побега место работы, Вера В. попала в существенно лучшие условия труда и содержания. Свои условия жизни и отношение немецкой семьи к ней Вера В. оценивает в целом положительно. Имея опыт работы в промышленности, она сразу уяснила для себя основное отличие ее нового положения: «Ну, не били, не хочу сказать, не били. Хозяйка сказала, напиши письмо, есть ли кто дома. Если нет никого дома живых, так, а если есть кто живой, так замуж тут отдам тебя. Шутила, может, со мной или что, а я плачу. Так она мне говорит: «Не надо плакать. Тебе у нас неплохо. Мы тебя не обижаем. Погляди, как другим тяжело. А ты кушаешь хорошо. Все это война. Переживется война, и поедешь домой»¹².

Вера В. отчетливо осознает, что пребывание в крестьянском хозяйстве стало ее шансом выжить и провести последние месяцы войны в спокойном и относительно безопасном месте. Но, несмотря на гуманное обращение со стороны немецкой семьи, первоначальный опыт пребывания в промышленности не позволил в ее взаимоотношениях с хозяевами установиться действительно доверительным отношениям. К моменту бегства она имела четкое представление о «своей расовой неполноценности» и о жестокости, с которой немецкие работодатели могли обращаться с ее соотечественниками: «Они-то хорошо живут. Что про них говорить. У них, они для себя глядят. Они считают себя, что они выше всех на свете, вот нация их. <...> Мы – это уже третий сорт людей. Они себя считают людьми такими стоящими»¹³.

Представление о том, что рабочая сила должна быть надежной и исполнительской, для Веры В. стало естественной нормой в отношениях с немцами. Имея опыт более жестокого обращения в промышленности, она и не могла по-

¹² Interview mit Vera W. // IGB/ISFLDP. Interview mit Vera W. S. 66.

¹³ Там же. S. 67.

мыслить об отказе от работы в крестьянском хозяйстве в какой-либо форме. Необходимость послушания представлялась ей легитимной и в ходе интервью¹⁴. Основываясь на этом представлении, она не критикует ограничения свободы передвижения и выбора, которым подвергалась. Как отметил в своем письме бывший работник принудительного труда Семен В.: «Мы были беспомощны, и пожаловаться нам было некуда, не сопротивлялся, что приказывали, то и делал»¹⁵.

Приспособление стало одной из наиболее распространенных стратегий выживания «восточных рабочих» в сельском хозяйстве национал-социалистической Германии и означало адаптацию к условиям микросоциума отдельного крестьянского хозяйства. Национал-социалистическое руководство приняло, казалось, все меры для того, чтобы избежать интеграции «восточных рабочих» в среду немецкого крестьянства. Любые контакты с русскими рабочими, не касавшиеся трудового процесса, в особенности ведение разговоров на политические темы, было категорически запрещено¹⁶. Запрещался совместный прием пищи, пребывание иностранцев в деревне по окончании рабочего дня, участие «восточных рабочих» в богослужениях¹⁷. Однако интеграция «восточных рабочих», особенно в малых сельских хозяйствах, была естественна и необратима.

Другим способом приспособления «восточных рабочих» к новой для них действительности являлась демонстрация религиозной общности с немецкими крестьянами. Немецкий исследователь А. Цюль объясняет случаи гуманного отношения части крестьянского населения нацистской Германии к иностранным рабочим сильной ролью церкви и религии и связанной с этим христианской этикой, глубоко укоренившейся в деревне¹⁸. Служба безопасности СС в сообщениях от июля 1943 г. подчеркивала, что определенные группы работников из Советского Союза обладают ярко выраженным чувством религиозности, среди них украинцы, угнанные из сельских регионов, люди пожилого возраста, а также большинство женщин¹⁹. Сотрудники службы безопасности видели в этом особую угрозу для сельского населения: «Тот факт, что большая часть

---

¹⁴ Некоторые из советских граждан, пережившие голод и гонения в Советском Союзе, называют период пребывания в сельском хозяйстве Германии не самым худшим временем в их жизни. См.: Interview mit Vera W. // IGB/ISFLDP. Interview mit Vera W.; Interview mit Semen W. // IGB/ISFLDP. Interview mit Semen W.

¹⁵ *Brief von Hr. Semjen V.*, 25. August 2000 // Stadtarchiv Meinerzhagen.

¹⁶ Merkblatt zum Einsatz der Zivilarbeiter und – arbeiterinnen aus dem sowjetischen Gebiet in der Landwirtschaft, 21. Juli 1942 // STAMS. Politische Polizei. Nr. 366.

¹⁷ *Zühl A.* Zum Verhältnis der deutschen Landbevölkerung gegenüber Zwangsarbeitern und Kriegsgefangenen // *Faschismus und Rassismus* / Hrsg. W. Röhr. Berlin, 1992. S. 344.

¹⁸ Там же. S. 349.

¹⁹ *Meldungen aus dem Reich*. Band 14. [31. Mai 1943 – 7. Juni 1943]. S. 5485.

русских оказалась католиками, угрожает смешению немецкой и чужеродной крови. Так, у католиков Регенсбурга установилось мнение, что русские должны быть необычно набожными людьми, так как они постоянно носят распятие на шею»²⁰. Обнаружив у многих «восточных рабочих» религиозность, а среди украинцев даже католицизм, немецкое крестьянское население иногда принимало «восточных рабочих» в свою общину. В округе Мюнстер местное отделение полиции в мае 1943 г. с тревогой отмечало, что многие «восточные работницы» со знаком «Ост» посещают по воскресеньям службу в церкви²¹. Неудовольствие местной жандармерии вызывало, прежде всего, поведение населения, которое спокойно относилось к присутствию иностранцев в церкви. Как подчеркивает А. Цюль, такого рода отношение к рабочей силе из Восточной Европы являлось одной из скрытых форм неприятия крестьянским населением рестрикционной религиозной политики нацистского государства. В особенности для католического населения Германии конфессиональная принадлежность иностранцев была важнее, чем «расовая»²². В условиях принудительного труда многие «восточные рабочие» подчеркивали свою принадлежность к религии, используя этот факт не только для улучшения своего положения, но и просто в поисках моральной поддержки в условиях принудительного пребывания на территории Германии. К примеру, бывшая работница принудительного труда Нона Т. вспоминает, как она учила другую работницу креститься так же, как это делали немцы: «У нас же был костел и церковь, так я знала, как по-польски креститься, как по-русски. Так я перекрестилась, а она была девочка со Смоленска. А они смоленские, там этого не было, как у нас в Западной. Так говорят (немка, водившая работниц в церковь): «О, молодец ты, молодец ты, умеешь креститься». А она – нет, Полина эта: «Я ж не знаю». <...> Она после: «Ты меня научи». Я говорю: «Ну, добро, гляди». Так она, пришли в другой раз: «Пойдем в костел». «Пойдем». Ну, пошли, эта (немка говорит): «О, молодец ты. Некрасиво же так, стоишь одна, как люди, так и ты делай»²³.

Во время пребывания в Германии практически все «восточные рабочие» получили представление о лучших условиях труда и содержания иностранных рабочих других национальностей. Поэтому естественным стремлением многих

---

²⁰ Aus Bericht des SD-Abschnitts Bayereuth (Gau Bayerische Ostmark), 20. Juli 1942. // Bayern in der NS-Zeit: soziale Lage und politisches Verhalten der Bevölkerung im Spiegel vertraulicher Berichte / Hrsg. M. Broszat. München, Wien, 1997. S. 62.

²¹ Schreiben an den Kreisleiter von Gestapo-Rauxel, 17. Mai 1943 // STAMS. NSDAP – Kreis- und Ortsgruppenleitungen.

²² Zühl A. Op. cit. P. 350; Г. Фрайтаг указывает в своем исследовании принудительного труда иностранных рабочих на территории Липпер Ланд, что гуманное отношение к иностранцам иной конфессии наблюдалось также и среди протестантской части крестьянства. См.: Freitag G. Zwangsarbeiter im Lipper Land ... S. 36.

²³ Interview mit Nona T. // IGB/ISFLDP. Interview mit Nona T. S. 22.

«восточных рабочих» была попытка скрыть свою национальную принадлежность. Так, бывшая работница принудительного труда Нона Т. скрывала во время пребывания в немецкой деревне факт своего белорусского происхождения, поскольку боялась быть заподозренной в сочувствии к партизанскому движению²⁴. Многие «восточные рабочие», узнав о лучших условиях труда украинцев, депортированных из дистрикта Галиция²⁵, старались доказать свое украинское происхождение, запрашивая подтверждающие документы из Украины или Центрального украинского комитета²⁶.

Выводы

Несмотря на отмеченный выше положительный опыт пребывания в немецком сельском хозяйстве, воспоминания бывших работников о принудительном труде в Германии имеют четкий след психической травмы, нанесенной в годы войны, в ходе депортации или работы. В каждом интервью с бывшими работниками принудительного труда присутствует в разной степени выраженное осознание собственной принадлежности к группе рабочих, которую национал-социалисты рассматривали как, якобы, «расово-неполноценную» и имевшую ограниченное право на жизнь.

Последовательное претворение в жизнь постулатов «расовой» национал-социалистической идеологии наталкивалось в сельском хозяйстве национал-социалистической Германии на значительные препятствия, обусловленные особенностью процесса производства в аграрном секторе и высокой зависимостью крестьян от своих работников ввиду дефицита трудовых ресурсов. Вопреки проводимой национал-социалистами политики изоляции рабочей силы происходила неизбежная интеграция «восточных рабочих» в микросоциум крестьянских хозяйств. В ситуации тесного контакта с немецкими крестьянами «восточные рабочие» пытались влиять на собственное положение, вырабатывая стратегии выживания, которые варьировали между приспособлением к сложившимся обстоятельствам и сопротивлением им.

Список литературы

1. Бессонов Б.И. Фашизм: идеология, политика. М.: Высшая школа, 1985. 279 с.

²⁴ Interview mit Ustina S // IGB/ISFLDP. Interview mit Ustina. S. 12.

²⁵ Дистрикт Галиция – территориальное объединение, созданное в августе 1941 г. нацистами в результате соденения западных областей Украины (Львовской, Станиславской, Тернопольской, Дрогобышевской) и включенной в состав основанного на территории Польши генерал-губернаторства.

²⁶ Центральный Украинский комитет – основан в июле 1940 г. в Кракове. Основная задача комитета заключалась в охране прав украинцев в дистрикте Галиция и оказании помощи украинцам, оказавшимся на принудительных работах в Германии.

2. Бланк А.С. Из истории раннего фашизма в Германии. Организация. Идеология. Методы. М.: Мысль, 1978. 208 с.
3. История Германии / отв. ред. Ю.В. Галактионов. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. 619 с.
4. История Германии / отв. ред. тома: С.А. Васютин и др. Кемерово: Кузбассвузиздат, 2005. 543 с.
5. Полян П.М. Жертвы двух диктатур. Остарбайтеры и военнопленные и их репатриация. М.: Ваш выбор ЦИРЗ, 1996. 442 с.
6. Полян П.М. Жертвы двух диктатур: Жизнь, труд, унижение и смерть советских военнопленных и остарбайтеров на чужбине и на родине. М.: РОССПЭН, 2002. 895 с.
7. Розанов Г.Л. Конец «третьего рейха». М.: Международные отношения, 1990. 384 с.
8. Тимофеева Н.П. Принудительный труд «восточных рабочих» в нацистской Германии: из опыта биографических исследований воронежских историков // Германия и Россия: события, образы, люди: Сборник российско-германских исследований. Вып. 5. Воронеж: Научная книга, 2007. С. 44–53.
9. Тимофеева Н.П. Принудительный труд в нацистской Германии (по материалам биографических интервью с бывшими «восточными рабочими») // Мир Клио. Сборник статей в честь Лорины Петровны Репиной. М.: ИВИ РАН, 2007. С. 375–385.
10. Creydt D. Zwangsarbeit für Rüstung, Landwirtschaft und Forsten im Oberwesergebiet 1939–1945. Holzminden: Mitzkat, 1995. 256 P.
11. Freitag G. Zwangsarbeit und Dorfalltag: Das Beispiel Lippe, 1939–1945 // Zwangsarbeit in Ostwestfalen und Lippe 1939–1945. Stand der Forschung, Spurensuche vor Ort, Umsetzung im Unterricht / Hrsg. C. Seichter. Essen: Klartext, 2002. S. 31–45.
12. Freitag G. Zwangsarbeiter im Lipper Land: Der Einsatz von Arbeitskräften aus Osteuropa in der Landwirtschaft Lippes 1939 – 1945. Bochum: Winkler, 1996. 124 s.
13. Grinchenko G. Erste Auswertung eines Oral-History-Projektes aus der Ostukraine // Hitlers Sklaven. Lebensgeschichtliche Analysen zur Zwangsarbeit im internationalen Vergleich / Hrsg. Plato A.v. u.a. Wien: Böhlau, 2008. S. 230–240.
14. Hoffmann K. Ausländische ZwangsarbeiterInnen in Oldenburg während des Zweiten Weltkrieges: eine Rekonstruktion der Lebensverhältnisse und Analyse von Erinnerungen deutscher und polnischer ZeitzeugInnen. Diss. Oldenburg: Universität Oldenburg, 2000. 552 s.
15. Hoffmann K. Schichten der Erinnerung. Zwangsarbeitserfahrungen und Oral History // Zwangsarbeit in Deutschland 1939–1945. Archiv- und Sammlungsgut, Topographie und Erschließungsstrategien / Hrsg. W. Reininghaus, N. Reimann – Bielefeld: Verl. für Regionalgeschichte, 2001. S. 62–75.
16. Hoffmann K. Zwangsarbeit in der Landwirtschaft // Stiften gehen. NS-Zwangsarbeit und Entschuldigungsdebatte / Hrsg. U. Winkler. Köln: PapyRossa-Verl., 2000. S. 130–147.
17. Hoffmann M. Der Zweite Weltkrieg in der offiziellen sowjetischen Erinnerungskultur // Krieg und Erinnerung. Fallstudien zum 19. und 20. Jahrhundert / Hrsg. W. Speitkamp. Güttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2000. S. 129–144.
18. Lehmann J. Zum Einsatz ausländischer Zwangsarbeiter in der deutschen Landwirtschaft während des 2. Weltkrieges. Unter besonderer Berücksichtigung der Jahre 1942–1945 // Wesen und Kontinuität der Fremdarbeiterpolitik des deutschen Imperialismus. Materialien eines wissenschaftlichen Kolloquiums der Sektion Geschichte der Univ. Rostock [7.2.1974]. Fremdarbeiterpolitik des Imperialismus. 1974 – H. 1. S. 133–156.
19. Lehmann J. Die deutsche Landwirtschaft im Kriege // Geschichte der deutschen Kriegswirtschaft 1939 – 1945. Bd. II. (1941–1943) / Hrsg. D. Eichholtz – Berlin (Ost): Akad.-Verl., 1985. S. 570–642.
20. Lehmann J. Zwangsarbeiter in der deutschen Landwirtschaft 1939 bis 1945 // Europa und der „Reichseinsatz“: ausländische Zivilarbeiter, Kriegsgefangene und KZ-Häftlinge in Deutschland 1938–1945 / Hrsg. U. Herbert. Essen: Klartext, 1991. S. 127–139.

21. *Schwarze G.* Die Sprache der Opfer. Briefzeugnisse aus Russland und der Ukraine zur Zwangsarbeit als Quelle der Geschichtsschreibung. Essen: Klartext-Verl., 2005. 331 s.

22. *Schwarze G.* Kinder, die nicht zählten. Ostarbeiterinnen und ihre Kinder im Zweiten Weltkrieg. Essen: Klartext-Verl., 1997. 336 s.

23. *Winter J.* Lorberg, der Gendarm und der Polen-Franz. Nazi-Jahre auf dem Hofgut Wickstadt – Szenen aus der Zwangsarbeit // Fern der Heimat unter Zwang – Der Einsatz „fremdländischer Arbeitskräfte“ während des Zweiten Weltkrieges in der Wetterau / Hrsg. K.D. Rack u.a. Butzbach: Geschichtsverein f. Butzbach, 2004. S. 441–451.

24. *Zühl A.* Zum Verhältnis der deutschen Landbevölkerung gegenüber Zwangsarbeitern und Kriegsgefangenen // Faschismus und Rassismus: Kontroversen um Ideologie und Opfer / Hrsg. W. Röhr. Berlin: Akad. Verl., 1992. S. 342–352.